

# ОШИБКИ НУЖНО СОВЕРШАТЬ



СОДА

12+

Сода

**Ошибки нужно совершать**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Сода**

Ошибки нужно совершать / Сода — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Больно, когда происходят плохие вещи. Ещё больнее, когда они происходят так быстро и неожиданно, что не успеваешь понять. А больнее всего – знать, что ты их причина. Как подростку справиться с потерей любимого питомца, обрести себя, если он может... Перемещаться во времени?

© Сода, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

# Содержание

Часть 1. Принятие	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

# Сода

## Ошибки нужно совершать

### Часть 1. Принятие

#### Глава 1

Больно, когда происходят плохие вещи. Ещё больнее, когда они происходят так быстро и неожиданно, что не успеваешь понять. А больнее всего – знать, что ты их причина.

С моря дул легкий бриз и развевал легкое платье Эстер. Сама же Эстер неспешно вышагивала по асфальтированной дороге, наслаждаясь каждым моментом своего существования. Ярко светило солнце. Эстер то и дело привычным движением – тычком мизинца в переносицу очков – поправляла солнцезащитные очки, за которыми прятались болотно-зеленые глаза.

Трис – кремовый пудель, который шел рядом с Эстер – тоже была абсолютно довольна собой, погодой и, казалось, самим существованием этой планеты и мира. Настроение хозяйки всегда передавалось и ей. Эстер сняла с пуделя поводок, предоставляя любимице возможность наслаждаться прогулкой еще больше. Трис благодарно махнула хвостом. Ах, если бы знала Эстер, к каким последствиям приведет это простейшее действие!..

Трис появилась у Эстер, когда той было пять лет. Сначала, как и многие дети, Эстер немного грубовато обращалась с питомцем, но Трис не сердилась на неё и не отстранилась, словно понимая, что она всего лишь ребенок. С возрастом Эстер становилась всё внимательнее к своей любимице и привязалась к ней всей душой и сердцем. Не было бы дня, когда Эстер не выгуливала Трис – она считала это своим священным долгом.

Хозяйка и собака понимали друг друга без слов. Одиннадцать лет они провели душа в душу, и для Трис не было никого лучше Эстер. А Эстер иногда в глубине своей души признавалась, что временами любит Трис больше, чем родителей, которых она любила сильнее всего на Земле.

Пройдясь по побережью, хозяйка и пудель молчаливо согласились, что пора сворачивать обратно в город. Эстер подошла к ближайшему переходу через дорогу и встала, дожидаясь зеленого сигнала. Трис по-королевски неспешно присела рядом с хозяйкой.

Их родной город был расположен на берегу моря, за что его любили все местные жители. Городок был совсем крошечным, наплыва туристов никогда не бывало, климат всегда был мягким и комфортным, поэтому Эстер и многие другие считали этот уголок Земли раем.

Только одна беда преследовала этот город – везде было много машин. Вот и возле перехода, где стояли Эстер и Трис, было наставлено множество автомобилей, которые закрывали собаку и хозяйку, делая их незаметными с дороги.

Зажегся зеленый свет. Трис поднялась и гордо пошла вперед. Эстер же, зная, что они не заметны автомобилистам, решила осмотреться. Следующие события произошли меньше, чем за две секунды.

Эстер увидела несущуюся им наперерез машину. Трис, не глядя по сторонам и не замечая машины, шла по переходу. Эстер бросилась вперед, чтобы схватить собаку, а водитель авто, заметив наконец-то их двоих, резко начал тормозить. Но он не успел.

Эстер отлетела в сторону, обратно на тротуар, где они стояли. Она перекувырнулась, больно обдирая колени, локти, лоб. Красивый солнечный день совершил в её голове кульбиты, всё смешалось. Солнце словно перестало светить, а ветер дуть.

Первую секунду Эстер оставалась неподвижной. Потом мозг начал медленно перезагружаться. Всё ещё не видя ничего вокруг, Эстер села и поправила черные курчавые волосы до плеч. По лбу медленно стекала тонкая красная струйка.

Рядом с собой Эстер заметила разбитые солнцезащитные очки. Она подняла их и осмотрела. Как хорошо, что она надела линзы, а то ведь не увидела бы ничего, если бы её собственные очки с диоптриями разбились.

К этому времени мозг начал постепенно соображать. Эстер отшвырнула ненужные очки, осмотрела свои колени и локти. Подбежал мужчина-водитель, начал обеспокоенно бегать возле Эстер, осматривать её, куда-то звонить, что-то говорить ей.

Вдруг одно слово заставило Эстер почти задохнуться – Трис!

Эстер вскочила, словно ничего не было, потом пошатнулась от резкого движения, потому что что-то всё-таки было, и бросилась к дороге. В голове была звенящая пустота. Ей было наплевать, целы ли её колени и локти, да хоть сама голова разбита! – но её питомица должна была остаться невредимой. Она ведь так любит Трис, её любовь должна защищать от всего на свете...

На дороге лежало что-то кудрявое, песочно-бежевого цвета. Эстер сначала не поняла, что это такое – так безжизненно лежало это что-то.

«Кто-то забыл ковёр?» – удивилась она.

Ведь не могло такого быть, чтобы это кудрявое что-то, совершенно не похожее на живую собаку, было любимицей Эстер. Этого просто не может быть...

А что это за красная дорожка от этого комочка кудряшек ведет к колесу машины? Почему само колесо такое красное, как будто...

Эстер упала на колени, и голова опять закружилась то ли от резкого движения, то ли от боли в раненных коленях, то ли от осознания. Но, скорее всего, от всего сразу. Она протянула руки к Трис, попыталась разбудить и приподнять собаку. Эстер даже не замечала, что уже давно кричит её имя что есть мочи, потому что даже боль сорванных голосовых связок была ничто по сравнению с болью разбитого сердца.

Сзади подошёл мужчина-водитель. Он положил руку на её плечо:

– Девушка. Она... она... – мужчина замаялся, потому что Эстер резко замолчала, как будто её заткнули пробкой. – Она мертва. Мне очень жаль. Я проверял пульс.

Эстер подняла голову и уперлась взглядом в мужчину.

– Я вызвал скорую. И полицию. И для неё тоже, – он кивнул на Трис, говоря всё быстрее, словно оправдываясь.

Эстер не видела и не слышала больше, что он ей говорил. Ей было всё равно. Она прижимала к себе поникшую и обмякшую собачку, пыталась нащупать её биение сердца.

«Нет, нет, нет...» – только и крутилось у неё в голове. – «Так не может быть, это не могло произойти...»

Вдруг словно какой-то другой голос у неё в голове шепнул: «Поверь, она умерла».

На до этого сухом лице Эстер вдруг появились струйки слез. Они становились всё обильнее и обильнее, потом застлали глаза так, что не видно было совершенно ничего. И словно сквозь туман и свои мысли и горе Эстер услышала слова мужчины:

– В конце концов, вы сами виноваты, девушка! Кто же выгуливает собак без поводка?

Это была обычная реакция взрослого мужчины, который чувствовал невероятную вину за собой и уже готовился отвечать перед законом. Его тяготила вина, а слезы и другие выражения горя на лице Эстер только усиливали её. Но если бы он только знал, что повлечет за собой эти слова...

Эстер не кричала больше и не редела навзрыд, как плачут маленькие дети и актрисы в кино. Она только свернулась над своим другом и словно проглатывала свои слёзы. Она давилась ими, давилась своим горем, почти задышалась, потому что боль заполнила её настолько,

что не хватало воздуха для дыхания. Только изредка тихие стоны вырывались из неё, когда сдерживаться было уж совсем не вмоготу.

Когда слёзы кончились, потому что, кажется, в организме закончилась вся жидкость, Эстер вспомнила тысячи нежных и добрых минут и часов, проведенных с Трис. Она вспомнила своё удивление, когда из новогодней коробки выпрыгнул кудрявый щеночек, как нежно она обнимала его, плакала и благодарила родителей. Она вспоминала, как приучила Трис к разным командам, и с какой радостью её питомица их выполняла. Рядом с входной дверью невысоко от пола Эстер ежегодно вешала своё расписание уроков и занятий, чтобы Трис знала, когда ждать хозяйку. Удивительно, но Трис никогда не ошибалась и приходила к двери ровно за десять минут до прихода хозяйки. Эстер, получая редкие для себя плохие оценки в школе, плакалась в мягкую шерстку питомицы, а Трис обнадеживающе заглядывала прямо ей в глаза.

Теперь же эта самая Трис недвижимо лежала в руках хозяйки.

Вскоре послышались сирены скорой помощи и полиции. Эстер подняли с колен, забрали Трис, куда-то повели. Она всё ещё не видела ничего возле себя. Эстер казалось, что она ещё сидит возле своей собачки и нежно держит её в руках. Потом ей и вовсе начало казаться, что они всё ещё гуляют по побережью. Светит солнышко, ветер ласково обдувает её и играет с платьем...

Эстер также не замечала, что её уже привезли в больницу, осматривают, щупают. Доктор удивился, но Эстер счастливо отделалась ссадинами и небольшим сотрясением. Ей всего лишь было необходимо обработать содранные колени, локти и лоб, но они совершенно не представляли опасности.

От своей прострации Эстер очнулась только когда услышала голоса родителей, зовущих её по имени. Они оба взяли отгулы на работе (мама в архитектурном бюро, а папа в банке) и пулей примчались проведать дочь. Они знали, как важна для неё Трис, поэтому знали, что Эстер будет в более чем грустном состоянии. Мама даже купила Эстер её любимого овсяного печенья, хотя Эстер давно отказалась от него, чтобы немного похудеть, что успешно получилось у неё полгода назад.

– Солнышко, – мама Эстер присела рядом с ней на лавку, потянула лицо дочери и повернула на себя. – Как ты?

Эстер молчала. А какие слова могли бы выразить её состояние?

Мама и без слов всё поняла. Она вообще всегда понимала дочь без слов.

Папа поговорил о чём-то с докторами, куда-то позвонил и тоже подошёл. Он не сел рядом с Эстер, а присел на корточки перед ней, взял её ладони в свои и мягко сказал:

– Давайте поедим домой.

Мама Эстер кивнула. А затем кивнула и Эстер.

Дома Эстер позволила себе впервые за долгое время поесть своё любимое овсяное печенье и выпить какао. Обычно это называют «заеданием горя», но ей было откровенно всё равно, как это называется.

Конечно, по привычному ходу вещей Эстер нужно бы было приниматься за уроки, потому что их, как обычно, была тьма тьмуцкая, а Эстер – ответственная ученица и отличница. Но мысли об уроках вообще не приходили в её голову. Родители разрешили не ходить в школу на следующий день.

Всегда кажется, что в важные моменты нашей жизни в голове будет витать множество разных мыслей. Возможно, мы даже задумаемся до чего-то, чего не могли бы придумать раньше или в другом состоянии. Но в голове Эстер была звенящая пустота. Ни единой мысли, ни единого желания – только перекасти-поля не хватает.

Эстер сидела на своей кровати и осматривала свою комнату так, как будто никогда её не видела. Стены, потолок, ламинат на полу, шкаф с вещами, комод, стол со стулом и стеллаж – всё было белоснежное. Только её собственные вещи развлекали всё это цветами.

Потом взгляд Эстер переместился на верх стеллажа, а потом на подоконник. И там и тут было множество горшков со всеми возможными цветами, которые только можно было представить. Эстер, как и её мама, очень любила живую природу. По правде говоря, именно поэтому мама Эстер и стала архитектором – она хотела проектировать города, где было бы много парков и зелени. На деле всё, конечно же, оказалось сложнее.

Эстер встала, взяла лейку и стала поливать цветы. Потом она неожиданно вспомнила, что вроде бы сегодня их уже поливала, а потом подумала, что излишний полив может им только повредить.

«В конце концов, вы сами виноваты, девушка! Кто же выгуливает собак без поводка?»

Эстер вдруг вздрогнула, потому что в тишине в её голове эти слова показались слишком громкими. Потом страшная цепочка мыслей вдруг соединилась – это она сняла поводок с Трис, он ведь мог помочь её удержать! Неужели, это Эстер виновата в смерти своей любимицы?..

Эстер опять вздрогнула от страшной догадки. Её разум не хотел примеряться с тем, что она могла быть повинна, или хотя бы иметь отношение к гибели той, которую любила всей душой.

В дверь постучали. Раздался тихий скрип, заглянула мама и оглядела Эстер, стоящую возле подоконника с лейкой в руках. Эстер оглянулась.

– Ты как? – участливо спросила мама.

Эстер всегда была очень дружна со своими родителями. Она рассказывала им абсолютно все свои мысли и чувства и знала, что никакие друзья никогда не сравнятся с её родителями.

Эстер опять не нашлась, что ответить. Мама вошла и присела на кровать.

– Иди ко мне, солнышко, – мама протянула руки к дочери, приглашая её к объятиям. Она обнадеживающе улыбнулась, и на её щеках появились ямочки.

Эстер поставила лейку и упала в мамины объятия. Она вновь почувствовала прилив горечи и заплакала.

– Поплачь, милая, – утешающе говорила мама. – Лечат только слёзы и время.

И Эстер плакала.

– Твой папа предложил если что обратиться к психологу, – когда Эстер немного успокоилась, сказала мама. Эстер подняла глаза, и мама уточнила:

– Если станет совсем сложно. Но я, честно говоря, очень прошу тебя пережить это самостоятельно. Потому что, во-первых, любому человеку нужно научиться переживать горе, а во-вторых, ты ведь знаешь, что отметка о посещении психиатра может отразиться на твоей будущей работе?

Эстер удивилась. Она однозначно не хотела, чтобы её нечеловеческие труды по собственному образованию хоть немного были затемнены. Она собиралась обидеться на то, что ей предложили переживать такое горе самостоятельно, но потом голос разума подсказал ей, что родители и в правду желают ей только лучшего.

Весь оставшийся день и вечер Эстер пыталась занять себя, а точнее – свой разум, чтобы туда не лезли совершенно никакие мысли. Мысли, которые так старательно лезли в её голову, совершенно ей не нравились. Вернее, это была только одна мысль – «Я виновата в смерти Трис».

Каждую секунду, когда её голова не была занята чем-то другим, именно эта мысль влезала туда. Она была навязчива, как громкая реклама по телевизору, заполняла весь мозг, как клубы ваты, и постоянно повторялась, как будто заело пластинку граммофона.

Эстер пыталась делать перестановку в комнате, прибираться, пропальывала грядки в маленьком огорожке возле дома, перебирала свою коллекцию марок и засушенных растений, но ничто не могло изгнать навязчивую мысль из её головы. Постепенно Эстер начало казаться, что она сходит с ума. В этот момент мама позвала её и папу ужинать.

Не одна Эстер любила Трис, не одна она скорбела по ней, но мама с папой точно знали, что именно они должны поддерживать огонек радости в своей дочке, поэтому старались занять её разговорами и рассказами.

– Милая, ты не могла бы подать мне сахарницу? – вырвала мама Эстер из мрачных размышлений.

Эстер обернулась к стоявшему позади рабочему кухонному столу, взяла сахарницу, но когда переносила её на обеденный стол, выронила её. Как в замедленной съемке сахарница полетела вниз, а разум Эстер нарисовал ей тот раковой момент, когда она отстегнула поводок. Эстер подумала «Это ты виновата в смерти Трис. Ты всегда всё портишь», и звук разлетающейся на куски сахарницы словно подтвердил это.

Но Эстер услышала его как будто из другой комнаты – таким незначительным он ей казался. В её голову уже спешно одна за другой влетали мысли и воспоминания обо всех плохих вещах, к которым она могла быть причастна.

Эстер четыре года. Папа пришёл с работы и пожаловался, что его наручные часы сломались. Эстер решила помочь ему и разобрала его часы на кусочки, да так, что даже часовщик не смог их собрать. Это были папины любимые часы, которые ему подарила мама на их первую годовщину. Папа не сильно ругался, но грусти в его глазах Эстер не забыть никогда.

Детский сад. На уроке рисования у подруги Эстер не очень хорошо получилась картина. Когда подруга отошла, Эстер решила помочь подправить её и случайно всё испортила. Подруга так сильно обиделась на неё, что они больше не разговаривали.

Начальная школа. Первая двойка отличницы Эстер из-за глупой ошибки – она перепутала все номера местами. Над этой глупостью смеялся весь класс, а Эстер хотелось провалиться под землю.

Старшая школа. О-о-о... Тут даже не упомянуть всех ошибок и глупостей.

И, наконец, Трис.

«Ты никому не помогаешь. Ты делаешь только хуже. Твои ошибки могут даже убить» – эта мысль словно стала итогом всего этого потока.

– Простите... Простите меня... – зашептала Эстер, когда очнулась и увидела маму, собирающую осколки и вытирающую пол. Она чуть не плакала, и родители не могли этого вынести.

– Да брось, всего лишь жалкая сахарница, – обнадеживающе сказала мама и посмотрела на осколки так, словно эта сахарница и вправду всегда была самым жалким на свете предметом.

– Солнце, пойдём на балкон смотреть закат? – папа часто предлагал это Эстер, когда хотел сказать ей что-то важное.

Закат был действительно очень красивым. С балкона второго этажа их дома открывался красивый вид на лазурное море. Каждая следующая набегающая волна, казалось, сворачивалась в маленькое белое облачко и врезалась в берег. Солнце прощалось с морем и городком, но обещало вернуться завтра. Оно посылало оранжево-розовые лучи, которые отражались в море и окрашивали и облака в эти же цвета. Ветер ласково и тепло обдувал стоящих на балконе Эстер и папу.

Эстер смотрела на красивейший закат, но словно его не замечала. Такова уж человеческая природа: мы не ценим то, что воспринимаем как должное, хотя другие отдали бы за это полжизни.

– Милая, – начал говорить папа. – Я знаю, что тебе очень больно.

Эстер не дрогнула ни одним мускулом, но папа знал, что она слушает.

– Поверь, Трис знала, что мы сильно её любим. Она была счастлива, окружена заботой. Теперь она в лучшем мире. Мы сделали для неё всё, что было в наших силах.

Эстер не шевелилась. Папа вздохнул.

– Когда мне было семнадцать, умер попугай, которого мне подарили на мой второй день рождения. Я провел с ним всю жизнь, и, несмотря на то, что я считал себя уже взрослым, я плакал как маленькая девочка.

– Что тебе помогло справиться с болью? – вдруг спросила Эстер.

– Время. И осознание того, что я благодарен ему за все годы, проведенные вместе, но исправить случившегося я не в силах.

Эстер протянула руки к папе и крепко обняла его. Папа тоже обнял её в ответ.

Наверное, многим казалось странным такое близкое отношение Эстер и родителей, ведь подростки обычно сильно отстраняются от них, отношения портятся. В этом плане Эстер была нетипичным подростком, ведь и она, и родители знали, как важны они друг для друга и старались выстроить как можно более крепкую семью. Никакие друзья и знакомые не могут заменить семью и теплые семейные взаимоотношения – это Эстер давно поняла.

## Глава 2

Ночью Эстер смогла уснуть только оттого, что совершенно истощила себя мыслями. Спала она без снов, словно погруженная в белую вату.

На следующее утро Эстер, едва проснувшись, распахнула занавески. Обычно она некоторое время стояла так и наслаждалась рассветом, потому что ровно перед её окном над морем вставало солнце. Трис тоже просыпалась и крутилась под ногами хозяйки. Теперь же Эстер едва бросила унылый взгляд на красивый пейзаж, ведь очень важную часть картины просто вынули из её жизни.

Только проснувшись, Эстер поняла, что забыла снять линзы. Она тихо выругалась и сняла их, заменив очками в тонкой черной оправе.

Утром после завтрака мама и папа уехали на работу, пообещав вернуться как можно скорее. И дом сразу стал пустым.

Так одиноко Эстер ещё никогда не было. Её дом всегда был наполнен хоть какими-нибудь звуками, движением, шуршанием – вот папа листает газету, мама возится на кухне, Трис ходит по комнатам в поиске мячика. Теперь же была что ни на есть мертвая тишина. Эти тишина почти физически давила на барабанные перепонки, хотелось встать посреди комнаты и начать петь или кричать, чтобы появился хоть какой-то звук.

И опять неприятные мысли лезли ей в голову. Эстер пыталась слушать музыку, читать, перебирать уже, кажется, в миллионный раз коллекции марок и сушеных цветов, но они всё также навязчиво лезли в голову. Потом Эстер решила, что ей, как очень ответственной ученице, пора приниматься за уроки, ведь буквально только что начался учебный год, а брать быка за рога нужно сразу.

И о чудо! – стоило ей начать вдумчиво читать параграфы по физике и список дат по истории, как мысли её занялись исключительно силой трения и Первой Мировой. Заметив это магическое действие уроков, Эстер решила, что теперь будет заниматься только ими. Хотя, честно говоря, Эстер и раньше немало времени проводила за этим делом.

Чтобы развеяться и отдохнуть от уроков, Эстер встала, прошла по комнате, осматривая всё вокруг. Она решила полить свои растения, потому что некоторые из них требовали полива каждый день. Она также тщательно осматривала их, пытаясь найти признаки болезни или гниения, чтобы быстро исправить это.

Эстер вообще любила всё, что относилось к природе и было хоть сколько-нибудь живым. Эта любовь передалась её от мамы, и они вместе всё её детство рассматривали красивых бабочек в саду, искали в справочниках птиц, увиденных ими в лесу, и просили папу пощадить и отпустить рыб после рыбалки.

В зону ответственности Эстер входили комнатные растения, растущие внутри их дома, и небольшой сад-огород за домом. Эстер с искренним удовольствием ухаживала за всем этим, так же, как и за Трис. А теперь, когда Трис больше не было, Эстер решила посвящать уходу за растениями ещё больше времени. А главное – ей не было страшно навредить растениям, ведь как бы живы они не были, всегда можно посадить другие. Эта мысль странно успокаивала её, а любимое занятие смирало негативные мысли.

Потом Эстер вернулась к урокам. Она иногда поглядывала на часы и думала «В школе сейчас закончился русский... А теперь началась физика...». Потом последовало «Вот и уроки кончились», Эстер закусила губу, ткнула мизинцем в переносицу очков, поправила выбившуюся прядь волос и больше на часы не смотрела.

Через какое-то время раздался звонок в дверь. Эстер спустилась на первый этаж и открыла её. За ней стояла её лучшая подруга Зара, а у нее в руках была какая-то коробка.

Как всегда первым в глаза бросился наряд Зары. А одета она была стандартно для себя – похожа то ли на радугу, то ли на сумасшедшую. Боковой пробор разделял её рыжие длинные волосы, черные глаза скрывались за ядовито-зелеными солнцезащитными очками в форме огня. Она была в белой футболке с высоким воротом, а из под короткой неоновой-зеленой юбки торчали супер-худые, почти анорексичные ноги в огромных белых кроссовках, как обычно покрытых пылью. Не то чтобы Зара за ними не ухаживала, просто ходила она так много, что к концу дня они превращались в нечто странное. И анорексичкой Зара не была. Эстер знала, что у неё просто сумасшедше быстрый метаболизм, и Зара просто не успевает есть столько, сколько ей нужно.

– Бонжур! – сказала Зара как обычно в нос, взмахивая волосами. У неё был хронический, никогда не прекращавшийся насморк. Её сережки в форме линейки и карандаша затрепыхались. Зара вообще обожала нестандартные сережки – чем страннее, тем лучше.

Эстер слабо, но искренне улыбнулась, увидев их. Такой выбор означал, что сегодня Зара была настроена на учебу.

Зара, хотя и казалось, что она настолько не от мира сего, что ничего не замечает, прекрасно это подметила и поставила в голове галочку напротив «Рассмешить Эстер». Родители Эстер позвонили ей и рассказали, что случилось горе и что Эстер нужна её поддержка. Зара собрала руки в ноги и, приготовив пряники, мигом отправилась к подруге после школы. Она знала, что Эстер не любит, как она говорила «грузить своими проблемами», поэтому сама она Заре всё не расскажет и не позвонит. И, конечно, Зара не собиралась только приди спрашивать, почему подруги не было в школе.

Когда Эстер увидела сережки Зары, она неожиданно вспомнила день, когда они познакомились.

*Тогда только начался пятый класс, и в класс к Эстер пришла новенькая. Она была ярко-рыжей и очень странной одетой, поэтому все ребята её сторонились.*

*Когда весь класс пошел в столовую, никто не хотел садиться рядом с новенькой. Все буквально специально обходили её и выказывали своё негодование, если им предлагали сесть рядом. Девочка как будто не замечала всего этого, но когда она один раз подняла глаза и случайно встретилась взглядом с Эстер, она увидела в новенькой такую горечь, какой до этого никогда не видела ни в одном человеке. Однако она не хотела открыто выказывать свою боль и стойко переживала все насмешки и неприятности*

*Эстер подошла к ней и села рядом, почти вплотную. Весь класс наблюдал за ней, ведь она слыла (да и была на самом деле) очень умной и авторитетом.*

– Привет! – весело сказала Эстер, широко улыбаясь и показывая свои ямочки на щеках, совсем как у мамы. – Как тебя зовут?

– Зара, – тихонько ответила девочка.

– Очень приятно! – Эстер протянула ей руку. Зара сначала опасливо на неё посмотрела, но Эстер так доброжелательно и мило улыбалась, что Зара пожала руку.

– У тебя классные сережки, кстати, – добавила Эстер. Зара улыбнулась и пообещала, что эта девочка будет её подругой во что бы то ни стало. В её ушах покачивались сережки в виде линейки и карандаша, которые она надела по случаю торжественного первого дня в новой школе.

Не спрашивая, можно ли войти, потому что ответ был очевиден, Зара переступила порог.

– Держи, – она отдала коробочку Эстер, а сама стала снимать обувь.

– Можно открыть?

– Конечно!

Эстер открыла коробочку, и её ожидания вполне совпали с реальностью. В коробочке лежали пряники в форме динозавров всех форм и размеров. Эстер улыбнулась. Пряники Зары всегда заставляли её улыбаться, потому что они были такими красивыми, необычными и вкус-

ными, что диву даешься. И эту улыбку с ямочками подметила Зара и тоже улыбнулась, понимая, что делает успехи в своей задаче.

Самым любимым местом Эстер в доме в теплую погоду был балкончик, где стояли маленький круглый столик и три стула. Поэтому, неудивительно, что две подруги решили посидеть именно там.

– Дет, ду правда, как ты живешь, если у тебя в комдате всегда оидаково стоит мебель, и вещи лежат да своих местах? Это же скучдо! – возмущалась Зара.

Эстер улыбнулась только уголками губ, пытаясь показать свою вовлеченность в разговор. Зара еле слышно вздохнула.

– Здаешь, сегоддя бабушка, за которой я ухаживала, рассказала такую идтересдую историю... – начала Зара, стараясь оттянуть момент неприятного вопроса как можно дальше. Она работала волонтером в домах престарелых и приютах для животных, часто в ущерб своей учебе. Однако за плохую учебу её ругали редко, потому что необходимый жизненный опыт, который обычно даётся в школе, Зара приобретала в этих приютах. Она, например, неплохо разбиралась в медицине и оказании первой помощи.

Однако Эстер, даже несмотря на то, что повернула голову к Заре и вроде бы стала слушать, смотрела сквозь подругу и не особо вслушивалась.

– Ты расскажешь, что случилось? – прервала свой рассказ Зара.

Эстер встрепенулась, поправила выбившуюся прядь и тычком в переносицу очков вернула их на место.

– Прости... – тихо сказала она. – Я витаю в облаках сегодня.

– Какого рода эти облака? – прищурившись, спросила Зара. Её прищур вместе с говором в нос смотрелись очень странно. Было ощущение, что она пытается копировать детективов из старых фильмов.

– Горестного. – Ответила Эстер, отпивая воду из кружки и готовясь сказать страшное. – Трис сбила машина. Насмерть.

Зара похолодела. Она любила Трис, и знала, как сильно любит её Эстер, поэтому прекрасно представила глубину скорби своей подруги. Она поняла только сейчас, что, когда она пришла, Трис не выбежала как обычно к ней навстречу и не стала радоваться её приходу и прыгать.

Наступило молчание. Зара понемногу переварила эту новость и взглянула на Эстер.

Эстер смотрела куда-то вдаль, и лицо её, казалось, ничего не выражало. Можно было даже подумать, что она ничего не чувствует, но Зара прекрасно знала, что это не так. Эстер никогда не показывала свою боль, стараясь сохранять здравость мышления. Только при родителях и, с некоторых пор, Заре она полностью открывалась, да и то не всегда.

– Эстер, – тихо позвала её Зара, протянув руки для объятий. Эстер уткнулась в плечо подруги.

Они долго сидели так в объятиях друг друга и молчали. Им не нужно было разговаривать, чтобы понимать чувства и мысли друг друга. Вот это и есть по-настоящему уникальная и ценная дружба.

*Когда Зара и Эстер только подружились, всё было хорошо. Но однажды что-то произошло. Всегда такая радостная Эстер вдруг будто покрылась корочкой льда. Зара заметила это, но не знала, что делать, а корочка льда всё утолщалась каждый день. Зара долго не могла понять свою новую подругу, но её привязанность к Эстер заставляла её оставаться с ней и не разрывать дружбу.*

*Зара решила действовать своим проверенным способом – она испекла пряников, ведь уже на тот момент они получались у неё очень хорошо. Она принесла их в школу, на перемене отвела Эстер подальше от всех остальных и, вручив Эстер коробку пряников, сказала:*

– Я испекла это для тебя. Я здаю, что что-то случилось, и удивледа, что ты де поделилась со мдой своей бедой. Я тебе подруга, а де враг, и всегда готова выслушать тебя и поддержать, во что бы то ди стало.

Благодарность, с какой Эстер взглянула на Зару, было не передать словами. Они пожали друг другу руки, и ничто не могло скрепить их дружбу сильнее.

Эстер рассказала, что она с мамой поругалась, а Зара дала ей несколько советов, как помириться. Через какое-то время корочка льда треснула и растаяла, оставив только журчащий ручей.

Ещё через какое-то время Эстер напомнила Заре, что ей уже пора домой, родители будут волноваться. Зара со вздохом собралась и ушла, а дом Эстер опять погрузился в тишину.

Неожиданно зазвонил телефон. Эстер взглянула на экран и увидела надпись «Теодор». Она вдруг покраснела и смутилась, прокашлялась, поправила волосы, вздохнула и взяла трубку.

– Да? Привет, Теодор.

Эстер всегда называла его исключительно «Теодор», а не «Тедди», хотя они дружат уже много лет, и Тедди позволил ей, как близкой подруге, называть себя кратким именем. Эстер же до сих пор просто не могла поверить, что удостоилась такой чести, ведь он не всем позволял называть себя сокращенно. Поэтому она по инерции звала его полным именем, а он каждый раз её поправлял.

– Привет, Эстер! Ведь говорил – зови меня Тедди, – между строк заметил он. – А почему тебя не было в школе?

По тишине на том конце провода Тедди понял, что спросил что-то не то.

– Ты в порядке?

– Относительно, – уклончиво ответила Эстер. – Всё в мире относительно.

Это был её любимый ответ на любой вопрос.

– Я... В общем-то я хотел тебя попросить помочь... Если ты, конечно, не занята...

После этих слов перед глазами Эстер вспыхнула яркая картинка: она отстегивает поводок Трис. Она ведь всего лишь хотела помочь, а вот к чему это привело. Вот как она помогает, вот чем это заканчивается!

Вдруг словно волна воды накрыла Эстер. Ей стало нечем дышать, на лбу и даже на ладонях выступил пот, ноги стали ватными и её откинуло на спинку стула. Эстер чуть не выронила телефон, попутно глотая воздух, доступ к которому вдруг словно перекрыли. Однако это состояние ушло также быстро, как и пришло.

– Извини... – еле проговорила она в трубку. – Я... Я очень плохая помощница.

– Эстер? С тобой всё хорошо? Тебе самой не нужна помощь? Я мог бы...

Но Эстер отключила телефон и бессильно опустила руку.

«Что со мной? Что это было?»

Эстер вбила в поисковик симптомы, и очень скоро поняла, что это похоже на паническую атаку, только очень короткую.

«Только панических атак мне не хватало» – Устало подумала она.

Потом мысли Эстер вернулись к Теодору, и сердце её растаяло от этого. Она вспомнила, как два года назад поняла, что бесповоротно в него влюблена.

Вообще, они были знакомы ещё давно благодаря Заре. Зара и Теодор дружили семьями с самого рождения, ходили в один детский сад, только вот попали в разные классы в школе. Зара сдружилась с Эстер, а потом познакомила её с Теодором.

Тедди был довольно средней внешности: белые волосы и янтарные глаза, типичное для парня телосложение. В касту «самых крутых парней» его вывело другое – его личные качества. И начать нужно с того, что Теодор вовсе не подозревал, что все девчонки за ним охотятся и что он относится к «крутым парням». Когда они пытались с ним флиртовать, он думал, что они

просто хотят общаться, и вежливо разговаривал с ними. Никакие намеки на романтику Тедди не хотел считывать, и девушки уходили ни с чем. И дело не в том, что Теодор был слишком глуп или физически не считывал этих знаков, он, конечно, всё понимал; просто он не хотел усложнять себе жизнь и общение с другими людьми – Тедди был слишком вежлив для того, чтобы разбивать сердца отказом или играть с ними, потому что никакая из тех девушек, кто пытались добиться его сердца, ему не нравилась.

Популярности Тедди способствовало всё: его вежливость, скромность и почти рыцарское благородство, начитанность и умение играть на гитаре. После того, как однажды он сыграл на гитаре на школьном концерте, целую неделю ему пришлось прятаться каждую перемену в туалете, потому что поклонницы стали слишком навязчивыми и мешали ему читать, а отгонять их он не хотел, потому что это очень неприятно и невежливо. И когда первоклассница умудрилась подарить ему маргаритку со школьной клумбы, а потом засмушалась и убежала, Тедди поклялся никогда больше не играть на гитаре публично.

Эстер видела сумасшествие, происходящее вокруг Тедди, но они с Зарой, которая была ему как сестра, только смеялись над происходящим. Эстер убедила себя, что никогда не войдёт в этот «клуб сумасшедших фанаток Тедди». Но никогда не говори никогда.

Однажды Эстер пришла в школьную библиотеку взять книгу на выходные и неожиданно встретила Теодора, который уже выносил оттуда целую стопку.

– Привет! – Вежливо улыбнувшись, поздоровался Тедди.

– Привет! Что ты тут такое несешь? – Тоже очень вежливо поинтересовалась Эстер.

– Это... – Тедди замялся, оглядывая стопку. – Я решил перечитать любимого автора. Герберта Уэллса.

– Вау, – удивилась Эстер, опять оглядывая высокую стопку. – Это фантастика, если я не ошибаюсь? Просто я в основном раньше была по детективам, но, думаю, пора почитать что-то новенькое. Не порекомендуешь?

Тут Эстер оторвала взгляд от стопки и посмотрела на Тедди. Никогда она ещё не видела его лицо таким сияющим. Она даже немного опешила.

– Конечно! – Как никогда радостно воскликнул Теодор. – Пойдем, я тебе всё расскажу.

Они вернулись в библиотеку и сели за один из столов. Тедди поставил стопку рядом с ним, брал по одной книге и рассказывал всё, что знал сам.

Вы когда-нибудь замечали, как ярко загораются глаза человека, когда он рассказывает о чём-то, чем он увлекается или любит? Этот огонь может загореться неожиданно на любую тему, о которой вы даже не догадывались, но как не хочется его гасить, когда он уже зажегся! И как бы ты не торопился, как бы неинтересна тебе была бы эта тема, но если человек говорит о ней со страстью, недоступной другим, ты волей-неволей остановишься, прислушаешься и будешь слушать до тех пор, пока он не исчерпает себя. И даже после рассказа остается такое приятное послевкусие, как будто с тобой поделились частичкой этого огня, и теперь твоё сердце пылает также.

Именно так рассказывал Тедди о Герберте Уэллсе. Сначала библиотекарша шикала на него, когда он говорил слишком громко, но потом он всегда возвращался к прежней громкости, и она поняла, что это бесполезно. А когда она поняла, что он говорит о книгах, то и вовсе перестала злиться.

Эстер не смотрела никуда, кроме глаз Теодора. Она теперь видела не просто янтарные красивые глаза, в которые так повально влюблялись все девчонки, но заметила этот огонь, эту заинтересованность. Эта так преобразило его глаза и его лицо, что Эстер волей-неволей задумалась, что, пожалуй, Тедди очень даже ничего, но сразу же отогнала эти мысли, ведь он просто друг!

В конце концов Теодор вручил Эстер всю стопку книг, потом забрал, потому что Эстер было тяжело её нести, помог донести до класса и ушёл на свой урок. А Эстер так и думала о нём весь день.

Через пару месяцев на своём дне рождения Зара попросила Тедди сыграть на гитаре и спеть. Он смутился, но не мог не исполнить просьбу именинницы, а тем более своей подруги и почти сестры. Теодор взял непонятно откуда взявшуюся у Зары гитару, немного её настроил, прокашлялся и начал играть.

Сначала он играл и пел загато, смущенно, отвыкнув от внимания публики. Но потом он начал забываться за любимым делом и стал петь и играть всё вдохновеннее. Он не смотрел вокруг, а иногда даже прикрывал от удовольствия глаза. Он действительно очень любил играть и петь.

Эстер следила за его тонкими музыкальными пальцами, ритмично и четко, но без рывков снующими по гитаре. Это всё было так красиво, что Эстер не могла не восхищаться.

«Боже» – поймала себя на мысли Эстер. – «Я что, восхищаюсь руками Теодора, моего давнего друга? Нет, так нельзя!»

И Эстер запретила себе смотреть на руки и решила слушать только голос.

Но стало только хуже. Его голос действовал не хуже любого дурмана или рук. Он был бархатистым, низковатым в нужных местах, но очень мелодичным. Эстер поняла, что наслаждалась не самим видом рук или звучанием голоса, но мастерством, с которым Тедди играет и поёт. Хоть и сама она не играла на инструментах и не пела, Эстер имела необходимый слух, чтобы понять и уловить это мастерство.

Когда он закончил, Эстер поинтересовалась, как он выучился так хорошо играть. Тедди засмутился и ответил:

– Я рад, что тебе понравилось. Я, на самом деле, просто всегда хотел этому научиться, но слуха не было. Когда родители подарили гитару, я сначала долго тренировал слух, а потом занимался гитарой каждый день по несколько часов. И сейчас так стараюсь, только времени маловато.

В этот момент сердце Эстер вдруг быстро забилося. Она уважительно посмотрела на Теодора, потом вдруг покраснела, смутилась, и решила уйти. Теперь ей было так сложно разговаривать с Тедди, потому что нужно было говорить правильно, понятно, поддерживать веселый и живой диалог, и не давать ему скучать. Эстер вдруг поняла, что раньше с Тедди было всё проще. И если бы она была немного искущённее в таких вопросах, то знала бы, что это не что иное, как влюбленность. Но Эстер ещё этого не знала.

Через еще несколько месяцев Эстер и вся школа узрела удивительную историю.

Группа парней-старшекласников повадились задирать юбки девочкам и фотографировать их. Никакие жалобы на них не действовали. Девочки совершенно перестали носить юбки и платья, а мучились в длинных теплых брюках.

Когда Тедди узнал о таком безобразии, он предпринял интересный и неожиданный ход – он подговорил почти всех парней школы прийти всем вместе в один день в юбках, которые они попросили у девочек. В школьных правилах ничего не было написано по поводу ношения юбок парнями, поэтому учителя даже не смогли их поругать, тем более что так нарядилась половина школы. А когда они узнали, ради чего это было сделано, то и вовсе перехотели их ругать.

На одной из перемен Теодор и еще несколько очень грозно выглядящих парней подошли к тем «фотографам» и задиралам, и при всех объявили им, что чтобы ещё хоть раз сделать так, как они делали, им нужно будет сначала сфотографировать их самих в юбках. А учитывая, как грозно они выглядели, не нужно говорить, что такое безобразие в школе прекратилось.

Вся школа, не сговариваясь, перестала общаться с этими задиралами, и такое продолжалось бы долго, если бы Теодор не убедил всех, что их наказание уже достаточно длительное, и задиралы поняли свою ошибку. Так все снова постепенно начали с ними разговаривать.

На Эстер эта история повлияла очень сильно. Когда она позже спросила у Тедди, зачем он сделал это, он ответил, непонимающе взглянув на неё:

– Разве не нужно помогать тем, кто беззащитен в таких ситуациях? Я почувствовал, что у меня есть силы на такое, и сделал это.

И Эстер призналась, что безнадежно влюблена в Теодора. Но не в его волосы, глаза или руки, не в его популярность в школе, но в пылающий в его глазах огонь, его благородство и вежливость даже с теми, кто этого не всегда заслуживал, в его мастерство и постоянную работу над собой. Да, она влюбилась в то, за что его любила вся школа, но влюбилась не так, как все.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.